

ственным мнением. Отчетливо выраженная негативная оценочность присутствует в употреблении слов-ярлыков, которые служат цели дискредитации политического противника, создания негативного имиджа. Обилие слов-ярлыков наблюдается в случае политического противостояния, возникновения кризисных ситуаций. В таких случаях могут нарушаться нормы политической корректности, которые широко распространены в условиях американской и британской политической коммуникации. Например, в ситуации обострения отношений между Россией и Великобританией в выступлениях британских политических лидеров Т. Мэй, Б. Джонсона, Г. Уильямсона в адрес России употребляются такие слова, как *aggressor*, *aggressor-nation*, *aggression*, *offending state*, что способствует формированию негативного имиджа России. Нагнетанием чувства угрозы и страха, а следовательно, манипуляцией общественного мнения проникнуты выступления упомянутых политиков: *This is a direct act of the Russian state against our country* (Т.Мэй); *a brazen act to murder innocent civilians on our soil* (В.Джонсон); *direct hostile act of the Russian state* (В.Уоллес); *Russian attempt to undermine our security and stability* (Г.Уильямсон).

Одновременно с созданием резко негативного имиджа России политики формируют в сознании британцев идею о необходимости ей противостоять, например: *to counter Russian threat* (Г. Уильямсон); *to counter Russian attack* (В. Уоллес); *our response must be robust* (Т. Мэй); *We now come together – with our allies – to defend our security, to stand up for our values and to send a clear message to those who would seek to undermine them* (Т. Мэй).

Таким образом, реализация негативной оценочности в политическом дискурсе может осуществляться при помощи такой разновидности стратегии убеждения, как дискредитация, с использованием тактики аргументации, подбора и интерпретации информации в негативном свете, создания негативного образа.

А. П. Клименко

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

За последние годы усилилось внимание к методам изучения семантики, позволяющим объективно раскрыть значения лингвистических единиц. Среди этих методов определенное место занимает психолингвистический анализ семантики, основанный на обращении к информантам – носителям языка за прямой или косвенной информацией относительно значений слов.

Существенной чертой современного психолингвистического анализа значений является стремление к большей объективности исследований, осуществляющихся в двух направлениях. С одной стороны, совершенствование психолингвистических наблюдений над семантикой состоит в привлечении не одной интуиции, а многих интуиций рядовых носителей языка. При этом не происходит полного отказа от индивидуальной интуиции. При

помощи статистических методов осуществляется не только интеграция индивидуальных интуиций в коллективную, но и установление отношений между ними, выявление специфики индивидуального и коллективного и т.д. С другой стороны, совершенствуется экспериментальная методика проведения исследований интуиции.

В психологических исследованиях была показана роль слова как важнейшей семантической единицы в речевой деятельности (А. А. Леонтьев). Тем самым для психолингвистических исследований, как и для лингвистических вообще, слово оказывается чрезвычайно существенным элементом функционирования языковой системы, а потому анализ семантики слова относится к числу важнейших направлений психолингвистических исследований. В их ходе подтверждается обязательность содержательной стороны, значения слов, настоятельное стремление носителей языка к выяснению, поиску значения некоторого звукового комплекса. Одной из часто используемых психолингвистических методик является «угадывание» или «приписывание» значений звуковым комплексам, предъявляемым в той или иной форме испытуемым. Само применение этой методики базируется на том, что обычно не представляет труда убедить испытуемых в наличии у представляемого звукового комплекса значения (возможно, по тем или иным причинам неизвестного испытуемому). Можно предположить, что это слово другого подъязыка (территориального или профессионального диалекта) или мало распространенное собственное имя (в том числе аббревиатура, малоизвестное название учреждения) и т.д.

В процессе поиска значений для задаваемых звуковых комплексов производится перебор лексики. Возможно, если судить по уточняющим вопросам испытуемых, он происходит несколько иначе, если требуется учесть и косвенные формы слов. Видимо, поиск среди собственных имен также представляет собой несколько иную задачу (судя по уточняющим вопросам и пропускам в ответах, в частности, в том случае, если слова задаются в письменной форме и печатаются строчными буквами). Важным элементом поиска является словообразовательный анализ слов на предмет установления возможной их производности. Интересны в этом случае встречающиеся подчас ошибочные осмысления, моделирующие народную этимологию.

Если звуковой комплекс напоминает реальное слово, испытуемые во что бы то ни стало стремятся «разыскать» несуществующее значение слова. Так, например, о комплексе *нок* зафиксировано показание, что это звукоподражательное междометие для обозначения лопающейся посуды, хотя в русских словарях такого слова не зафиксировано. Комплекс *лум* расшифровывался как иностранная фамилия, а комплекс *рял* – как аббревиатура (предлагалась и ее расшифровка) и т.д.

В этом плане интересно свидетельство С. Лема о невозможности для писателя быть уверенным в семантической стерильности неологизмов. Не всегда созданный писателем неологизм будет правильно понят читателем. Определенная группа поэтических неологизмов ориентирована не на то, чтобы читатель (слушатель) находил точное значение предложенного слова,

но на сам процесс поиска, который будет производить читатель, причем в процессе поиска у читателя будут складываться те (пусть неясные и не до конца осознаваемые) ассоциации, которые хочет вызвать поэт.

Детский лепет отличается отсутствием значения, но когда у ребенка начинает складываться императив поиска значения, он, стремясь связать план выражения с планом содержания, производит соответствующий анализ поступающего материала, причем ребенок меньше, чем взрослый, ограничен в путях поиска и оценки получаемых результатов, что и создает определенную специфику в детском понимании незнакомых слов.

Как показывают эксперименты, значение осознается носителями языка как обязательная сторона слова: слов без значения в естественном языке не должно быть, только соединение значения со звучанием делает последнее словом. Носитель языка допускает свое неведение, незнание значения слова, но стремится его найти. Разнобой в ответах о значении псевдослов указывает на возможность различных подходов к их осмыслению, хотя, вероятно, могут быть установлены некоторые общие пути поиска значений (хотя бы в рамках данной языковой системы для данного типа звуковых комплексов), если только признать, что в индивидуальной памяти отражаются общеструктурные свойства языка. По-видимому, изучение путей, позволяющих реализовать императив поиска значений, может дать материал, свидетельствующий об объективном устройстве словаря (в его части для слушающего).

Экспериментальные исследования семантики отдельных лексических групп показали, что семантика слова – явление столь сложное и разностороннее, что для полноты ее представления полезно комплексное применение нескольких психолингвистических методик, соединение которых может дать полное и объективное отображение реальной семантики слова в его соотношении с действительностью, с другими словами, в его функциях и использовании.

Т. П. Ключенович

ГЛАГОЛЫ С НЕОСНОВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ РЕЧИ В АВТОРСКОЙ РЕМАРКЕ

В результате анализа текстового материала было установлено, что в современном британском художественном дискурсе в составе ремарки помимо речевых и неречевых глаголов используются глаголы с неосновным значением речи. В рамках выделенной группы мы дифференцируем два типа глаголов:

- 1) с *узуальным* речевым значением (речевое значение является лексикографически зарегистрированным, но вторичным);
- 2) с *оказиональным* речевым значением (речевое значение не зафиксировано в словаре и проявляется только в результате текстовой реализации).

Рассмотрим пример текстовой реализации глаголов первого типа с *узуальным* значением речи, где речевое значение зафиксировано в словаре, но является вторичным.

Don't call me Sam, ' he growled, in a voice Archie did not recognize.